

Российская мысль - Журнал - 1995 - 25-31 март
«Женщина, безумная гордячка...» с. 14

Триумф Марии Гулегиной в римской постановке оперы Дж. Верди «Макбет»

«Макбет» — одна из самых совершенных опер великого Верди, однако она не относится к числу репертуарных и популярных. Мрачная, гнетущая атмосфера, жестокие кровопролития, помешательства, появление призраков — все это отпугивает постановщиков и исполнителей, жалующихся, в свою очередь, также на отсутствие приятных, ласкающих слух мелодий и эффектных арий.

В опере нет главных положительных персонажей, выигрышной роли для тенора. Но самое трудное, пожалуй, препятствие — найти исполнительницу на роль леди Макбет. Верди хотел, чтобы голос певицы был подвижный и сильный, но некрасивый в общепринятом смысле, резкий и выразительный в декламации. Такой голос был у выступавшей на премьерных спектаклях Марианны Барбьери-Нини (Флоренция, 1847).

В нашем веке выдающейся исполнительницей этой партии была гениальная Мария Каллас. Выступила она, однако, всего в нескольких спектаклях театра «Ла Скала» в 1952 году и затем навсегда отказалась от этой роли: по существовавшему среди певцов убеждению, на ней легко перенапрячь и даже испортить голос.

Вот почему с таким любопытством отнеслась римская публика к новой постановке «Макбета» и участию в ней русской певицы Марии Гулегиной. После весьма малоудачного начала карьеры в Минской опере молодая артистка (со-

Леди Макбет — Мария Гулегина,
Макбет — Лео Нуччи.

вершенно неожиданно для многих) совершила блистательные дебюты на крупнейших оперных сценах, по большей части в США.

Некоторые римские меломаны слышали Марию Гулегину в американских театрах и утверждали, что это один из самых интересных современных женских голосов. Однако итальянцы поначалу почти всегда относятся с известным

скептицизмом к иностранным певцам. Особенно, если те рискуют браться за такие сложные партии, в которых потерпели фиаско многие «местные знаменитости».

И вот открылся занавес, отзвучал зловещий хор ведьм, уверенно провел свою первую сцену маститый Лео Нуччи (Макбет), а затем все взгляды устремились на стройную фигуру молодой певицы, впервые вышедшей на римскую сцену.

Медленным шагом она приблизилась к рампе, молча читая послание о восхождении на трон нового короля Шотландии... Сверкнул пронзительный взгляд, раздался первый звук голоса, острый, обжигающий. Все, как хотел Верди. За одним лишь исключением: у этой женщины голос был удивительно красивым, даже чувственным.

Осанка, глаза не оставляли сомнения: внутри ее сжигает непомерное честолюбие, неукротимая гордость, а вернее сказать — гордыня. На этом контрастном противопоставлении и выстроила актриса образ леди Макбет.

Вот она нежно обнимает мужа, нашептывая ему на ухо коварный план убийства нового короля. Голос звучит тихо, вкрадчиво, но в нем неимоверная сила, даже жестокость. Мужское, активное начало берет на себя честолюбивая женщина.

А вот другая сцена: новоиспеченная королева Шотландии пытается

ся заглушить муки совести Макбета во время пира, когда ему является призрак убитого Банко. Как-то чересчур беззаботно, даже вызывающе звучат колоратурные пассажи застольной песни, которые сменяются сухим, прерывающимся от страха речитативом. Именно здесь Мария Гулегина намечает начало гибели своей героини: когда она вновь запевает застольную, в голосе ее слышится какой-то надлом.

Следует особо отметить, что голос певицы, кроме подвижности и выразительности, отличается еще и огромной силой, «полетностью». Публику потрясло, как в финале второго акта она без всякого видимого напряжения «перекрыла» своей верхней нотой огромный хор, солистов и оркестр. В антракте старожилы римского театра говорили, что сейчас редко кто может себе это позволить, все экономят голос, поют «процентами». А здесь — удивительный пример полной самоотдачи.

Однако в знаменитой сцене галлюцинаций актриса сознательно ограничилась тихим, почти потусторонним звучанием. Эффект, тем не менее, получился невероятно сильным. Блуждающий взгляд, растрепанные волосы, нетвердая походка — какая потрясающая метаморфоза! По замыслу режиссера Х.Брокхауза, леди Макбет в этой сцене окружена ведьмами в окровавленных масках, одна из которых постоянно подносит свечу к пятну крови на ее руке, а другие поджигают моменты, чтобы окончательно овладеть обессилившей жертвой и увлечь ее в преисподнюю.

Труднейший музыкальный пассаж в финале этой сцены певица исполнила, повернувшись спиной к залу и медленно двигаясь вглубь

Леди Макбет — Мария Гулегина.

сцены. Так что предпоследняя, за предельно высокую ноту уже донеслась как бы из другого мира, подобно жалобному и бессильному стону.

Минуту (а казалось — вечность) зал безмолвствовал, а затем разразились аплодисменты такой силы, что сразу стало понятным: это не просто успешный дебют, это настоящий триумф.

На следующий день критики всех центральных газет с редким единодушием оценили голос, мастерство и актерский талант певицы. Однако по поводу самого спектакля мнения разделились. Многим показалось слишком мрачными и однообразными декорации Й.Свободы, нелогичной и вычурной режиссура. Лео Нуччи пел Макбета с какой-то внутренней усталостью, и было непонятно: или это решение образа, или просто физическое недомогание самого артиста. Хотя почти все рецензенты высоко оценили работу дирижера Г.Рата, слаженное звучание хора и оркестра.

И все же безо всякого преувели-

чения можно отметить, что на устах у публики только и слышалось: «Гулегина, Гулегина...» (итальянцы почти всегда ставят ошибочные ударения в русских фамилиях, Впрочем, аналогичная проблема есть и у русских). Правящая межа и бриллианты, в полный голос кричали в партере степенные дамы. А галерка, стихийно объединившись в оглушительный хор, скандировала: «Браво, браво!».

Бурным вызовом, аплодисментам и восторгам, казалось, не будет конца. Адресованы они были не только галантной певице с прекрасным голосом. Мария Гулегина предстала на римской сцене и как подлинная трагическая актриса, которая убедительно показала крушение сильного, хотя и лишнего моральных основ женского характера. Но вместе с этим она уверенно подвела своих зрителей и слушателей к финальному очистительному катарсису.

АЛЕКСАНДР БРАГИН

Рим